

**ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

2022, Том 1, №3

*Главный редактор
журнала:
доктор юридических наук,
профессор*

**Серебренникова
Анна Валерьевна**

E-mail: blr-journal@yandex.ru

Сайт: <https://blr-journal.ru>

© Вестник юридических исследований 2022

Редакционная коллегия по основным направлениям работы журнала:

Абшилава Георгий Валерьянович (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор
Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ, академик Всеармянской Академии проблем национальной безопасности
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Василевич Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Глебов Игорь Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, г. Астана) – доктор юридических наук, профессор
Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор
Кожевников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, профессор
Корнилов Геннадий Александрович (РФ, г. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор
Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор
Машовец Асия Океановна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Виктор Юрьевич (РФ, г. Ростов на Дону) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Орел) – доктор юридических наук, доцент
Минязева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Мишина Наталья Вячеславовна (РФ, г. Москва) – доктор политических наук, доцент
Мустафаева Айтен Инглаб кызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор юридических наук, профессор
Небрятенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Прошин Владимир Михайлович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Рустамов Хасплат Умалатович (РФ, г. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор
Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор
Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор

Содержание

Петрова О.А.

Понятие и классификация доказательств по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения 4-13

Лаврик Т.М.

Развитие института целевых индивидуальных санкций в ЕС:
вызовы для санкционного механизма и путь к их преодолению 14-23

Сулейманов Б.Б.

Регулирование электронного фандрайзинга и краудсорсинга: новые технологии мобилизации ресурсов в современной экономике знаний 24-32

Магомедов Г.Б., Рашидов Ш.М.

Гармонизация законодательства России с требованиями
Европейского права в сфере краудфандинга 33-41

Понятие и классификация доказательств по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения

Петрова О.А., аспирант,
Кубанский государственный университет

Аннотация: транспортные средства сегодня стали неотъемлемой частью нашей жизни. По сравнению со сложностью их приобретения в советскую эпоху, во времена независимости нашей страны это не является проблемой. Как следствие, ежегодно количество владельцев транспортных средств растет. Каждый раз производители предлагают более мощные, Безопасные и экологичные автомобили. Это приводит к увеличению спроса. Дороги в населенных пунктах, регионального и государственного значения буквально заполнены автомобилями. Как следствие, имеем и увеличение количества ДТП.

Безусловно, это стало причиной введения новой системы фиксации нарушения ПДД в автоматическом режиме. Именно поэтому возникла насущная потребность в детальном исследовании содержания новой процедуры видеофиксации нарушений ПДД в автоматическом режиме, особенностей реализации механизма привлечения лица к административной ответственности, сравнения норм КоАП в этой сфере на предмет соответствия другим норма КоАП, Конституции РФ, решению Конституционного Суда РФ, решению Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ).

Ключевые слова: доказательство, административные дела, привлечение, КоАП, безопасность дорожного движения

The concept and classification of evidence in cases of administrative offenses in the field of traffic

Petrova O.A., Postgraduate,
Kuban State University

Abstract: vehicles have become an integral part of our lives today. Compared to the difficulty of acquiring them in the Soviet era, during the independence of our country, this is not a problem. As a result, the number of vehicle owners is growing every year. Every time manufacturers offer more powerful, safe and eco-friendly cars. This leads to an increase in demand. Roads in localities of regional and national importance are literally filled with cars. As a result, we have an increase in the number of accidents.

Of course, this was the reason for the introduction of a new system for fixing traffic violations in automatic mode. That is why there is an urgent need for a detailed study of the content of the new procedure for recording traffic violations in automatic mode, the specifics of the implementation of the mechanism for bringing a person to administrative responsibility, comparing the norms of the Administrative Code in this area for compliance with other norms of the Administrative Code, the Constitution of the Russian Federation, the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation, the decision of the European Court of Human Rights (hereinafter – the ECHR).

Keywords: evidence, administrative cases, involvement, Administrative Code, road safety

Проблема обеспечения безопасности дорожного движения на дорогах касается каждого, поскольку все мы являемся участниками дорожного движения как пешеходы, водители транспортных средств и пассажиры. Нарушение правил дорожного движения часто сопровождается дорожно-транспортными происшествиями, последствия которых бывают иногда очень тяжелыми.

Всемирная организация здравоохранения отмечает, что в мире общее число случаев смерти в результате дорожно-транспортных аварий остается недопустимо высокой – 1,25 миллиона случаев за год. Подавляющее большинство (90 %) всех смертельных случаев на дорогах приходится на страны со средним и низким уровнем дохода, к которым относится и Россия [1, с. 9]. Наше государство имеет средний показатель в мировом рейтинге, а среди европейских стран один из самых высоких – 13,5 погибших на 100 тыс. лиц. Худшее состояние с безопасностью на дороге в Доминиканской Республике – 41,7 погибших, а “лучшее” в Исландии – 2,8 на 100 тыс. человек. В Европе, несмотря на высокую степень насыщения автомобилями, уровень безопасности на дороге один из лучших, особенно это касается Великобритании – 3,7, в Германии – 4,7, также низкий уровень пострадавших на дорогах Израиля – 4,7 на 100 тыс. лиц [2].

Административная ответственность представляет собой особую разновидность юридической ответственности, а также является специфической формой адекватного реагирования государства на противоправные действия со стороны отдельных граждан и юридических лиц. Меры юридической ответственности, которые применяют к правонарушителю и которые он обязан выполнить, приводят к имущественным, моральным или иным ограничениям для последнего.

Следовательно, правонарушитель отвечает перед государством за неправомерное поведение. Административная ответственность – это разновидность юридической ответственности, которая заключается в применении к лицам, совершившим административные проступки, особых санкций – административных взысканий [6].

Наука административного права однозначной позиции относительно целесообразности введения ответственности юридических лиц не выработала. Большинство ученых в своих трудах субъектом административного правонарушения определяют именно физическое лицо (человека), которое достигло на момент совершения административного правонарушения шестнадцатилетнего возраста и имеет определенные характерные признаки (общие, специальные) [4, с. 175].

Некоторые ученые-административисты, напротив, считают существование административной ответственности юридических лиц объективной необходимостью и поддерживают идею ее нормативно-правового определения [5, с. 136]. На наш взгляд, такая позиция прежде всего имеет экономические предпосылки возникновения и является оправданной относительно правонарушений в отдельных сферах антимонопольного, налогового, валютного, бюджетного законодательства, защиты прав потребителей и тому подобное.

Между тем во время благоустройства нового субъектного состава и внесении соответствующих изменений в статью 12-2 КоАП, статья 12-15 Кодекса, которая определяет составы административных правонарушений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, зафиксированные в автоматическом режи-

ме, осталась без внимания. Примечание статьи создает правовую неопределенность, ведь до настоящего времени определяет как субъект правонарушения юридическое лицо.

Мало того, устраняя трудности, связанные с привлечением к ответственности юридических лиц, нерешенной законодатель оставил более насущную проблему, которая заключается в необоснованном установлении презумпции вины владельцев транспортных средств. Многочисленные дискуссии и расхождения во взглядах отечественных ученых по этому поводу обуславливают необходимость детального исследования этой темы.

Наличие дополнительных признаков, характерных для физического или юридического лица, за которым зарегистрировано транспортное средство требует отнесения их к специальным субъектам административного правонарушения [8].

Субъектом правонарушений может быть только то лицо, на которое возложена обязанность по выполнению тех или иных правил, которые охватываются сферой правового регулирования дорожного движения. Как правило, такими субъектами выступают водители транспортных средств (лица, управляющие транспортным средством), в отдельных случаях – пешеходы, пассажиры транспортного средства [9].

Считаем, что такая позиция согласуется с основными принципами, определенными КоАП в главе 12, в частности: статьей 9, которая характеризует административное правонарушение (проступок) как противоправное, виновное (умышленное или неосторожное) действие или бездействие, за которое законом предусмотрена административная ответственность; статьей 23, по которой административное взыскание применяется в целях воспитания лица, непосредственно совершившего административное правонарушение; статьей 33, которая предусматривает индивидуальный характер административной ответственности; статьей 35, которая устанавливает обязанность органа (должностного лица) относительно полного и всестороннего выяснения обстоятельств, имеющих значение для правильного решения дела.

То есть нововведения положения статьи 12-2 КоАП кроме несоответствия Основному Закону вступают в противоречие и с вышеприведенными нормами статей 23, 33, 35 Кодекса, согласно которым административное взыскание применяется индивидуально, с целью воспитания прежде всего того лица, которое совершило правонарушение, с обязательным выяснением, виновата ли она в его совершении.

Подчеркиваем необходимость усовершенствования положений действующего КоАП путем определения гарантий соблюдения прав владельцев транспортных средств, в первую очередь презумпции невиновности (для физических лиц), при привлечении их к ответственности за нарушения ПДД, зафиксированные в автоматическом режиме [10].

Вопреки приведенному законодатель пошел обратным путем и осуществил модификацию положений статей 33 и 35 КоАП, которые теперь содержат исключения, которые предусматривают особый (упрощенный) порядок рассмотрения дел о нарушении ПДД, зафиксированные в автоматическом режиме, и возможность неприменения положений статьи 33 Кодекса. Указанные изменения нивелируют принцип индивидуализации административной ответственности, и не могут считаться юридически приемлемыми, ведь прямо нарушают другой принцип – равенства перед законом.

Очевидно, что введением в действие статьи 12-2 Кодекса (в действующей редакции), законодатель осуществил подмену понятий. Введя новую правовую категорию субъектов правонарушений в виде «ответственного лица», ее сущность оставил неизменно «старой неконституционной» (владельцев транспортных средств). Приведенное предопределяет необходимость переосмысления определенного субъектного состава правонарушений, зафиксированных в автоматическом режиме, в большей степени это касается именно физических лиц.

Введенному субъектом правонарушений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, зафиксированных в автоматическом режиме, стал также «надлежащий пользователь транспортного средства». «Порядок внесения сведений о надлежащего пользователя транспортного средства в Единый государственный реестр транспортных средств» (далее – Порядок) содержит следующее его определение – это физическое лицо, которое на законных основаниях пользуется транспортным средством, что ей не принадлежит, а также руководитель юридического лица – лизингополучателя (лицо, исполняющее полномочия руководителя такого юридического лица – лизингополучателя) или работник, определенный руководителем юридического лица, являющегося владельцем транспортного средства или получила в установленный законодательством способ право пользоваться им, которые в случае внесения о них сведений в Реестр, в соответствии со статьей 12-2 КоАП несут ответственность за административные правонарушения в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, зафиксированные в автоматическом режиме, либо за нарушение правил остановки, стоянки, парковки транспортных средств, зафиксированные в режиме фотосъемки (видеозаписи).

На наш взгляд, указанный субъект правонарушений является неоднозначным с точки зрения целесообразности его определения. С одной стороны, «надлежащий пользователь транспортного средства» может стать решением проблемы необоснованного привлечения к ответственности руководителей юридических лиц, ведь им сейчас предоставлена возможность определения своего работника, который непосредственно использует транспортное средство, как его надлежащий пользователь.

Также положительного значения нововведений понятие приобретает и в случаях оформления на физическое лицо нотариально удостоверенной доверенности на право пользования транспортным средством; пользования транспортным средством на основании договора аренды (найма, ссуды), договор финансового или оперативного лизинга; временного регистрационного талона. В приведенных случаях в случае внесения сведений о надлежащем пользователе транспортного средства в Единый государственный реестр транспортных средств (далее – ЕГР ТС), последний становится потенциальным субъектом правонарушения, определенным в статье 12-2 КоАП.

С другой стороны, приведенные изменения лишь сужают круг вероятных субъектов правонарушения, но не устанавливают в бесспорной форме лицо виновное в его совершении. Это объясняется тем, что в случае внесения сведений о надлежащего пользователя в ЕГР ТС, как владельцы транспортных средств, так и другие лица (на законных основаниях) не лишены права управления этим транспортом.

Определенный в статье 12-2 КоАП перечень субъектов не является исчерпывающим, ведь за ним остаются лица, которые на законных основаниях управляли транспортным средством в момент правонаруше-

ния, но не отвечают ни одним из приведенных в статье критериям, то есть не являются ни владельцами ТС, ни пользователями, сведения о которых внесены в ЕГР ТС. Мало того, пункт 8 Порядка устанавливает, что внесение в реестр одновременно сведений относительно нескольких надлежащих пользователей в отношении одного транспортного средства не допускается. Но, несомненно остается тот факт, что количество лиц, имеющих право пользоваться транспортным средством законом не ограничено.

Иначе говоря, возникает дилемма, при которой ответственных лиц и надлежащих пользователей нельзя привлекать за зафиксированные в автоматическом режиме нарушения ПДД, если они не управляли в момент нарушения транспортным средством, а водителей, которые совершили нарушение ПДД (даже в случае их обращения с заявлением о признании факта нарушения), нельзя привлечь за нарушение ПДД, зафиксированные в автоматическом режиме, если они не входят в круг субъектов правонарушений, определенными статьей 12-2 Кодекса. Указанное еще раз подтверждает несовершенство действующего упорядочения такого круга субъектов правонарушения, и необходимость их определения без соотношения с правом собственности на транспортное средство.

Как и на начальном этапе внедрения административной ответственности за правонарушения в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, зафиксированные в автоматическом режиме, так и в результате определенных изменений в правовом регулировании этого института, основная проблема, которая заключается в отождествлении субъекта такого вида правонарушений с владельцем транспортного средства, осталась нерешенной.

Альтернативный перечень лиц, подлежащих ответственности, за нарушение ПДД, зафиксированные в автоматическом режиме, предложенный в статье 12-2 КоАП, лишь частично исправил проблемные аспекты, изложенные в Решении КС РФ от 22 декабря 2010 года, в том числе в части неправомерности привлечения к ответственности юридических лиц. Тем не менее, повторно введенная в статью 12-2 КоАП презумпция вины владельцев транспортных средств противоречит выводам КС РФ. Возможным способом устранения неконституционности этой нормы стало бы определение как субъект нарушений ПДД, зафиксированных в автоматическом режиме, водителя транспортного средства, как и в большинстве других составов правонарушений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. Другим допустимым вариантом является совершенствование самого механизма привлечения к административной ответственности за нарушения ПДД, зафиксированные в автоматическом режиме, с соблюдением гарантий обеспечения прав субъектов правонарушений, которые определены нормами Конституции РФ и КоАП.

Кроме того, мы не исключаем вариант, при котором возможным эффективным способом решения проблемы может стать использование технических приборов фиксации правонарушения, которые бы позволяли осуществлять фиксацию не только самого события проступка, но и непосредственного правонарушителя, как это происходит в некоторых европейских странах.

Процедура привлечения лица к административной ответственности предусмотрена КоАП. Согласно ч. 6 ст. 12-25 КоАП в случае выявления административного правонарушения в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, зафиксированного с помощью работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото - и киносъемки, видеозаписи или средств фото - и киносъем-

ки, видеозаписи, протокол об административном правонарушении не составляется, а постановление об административном правонарушении выносится без участия лица, привлекаемого к административной ответственности. Копии постановления по делу об административном правонарушении и материалов, зафиксированных с помощью работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото - и киносъемки, видеозаписи или средств фото - и киносъемки, видеозаписи, высылаются лицу, которое привлекается к административной ответственности [6].

Сама по себе фотофиксация нарушений водителями ПДД является лишь способом сбора доказательств правонарушения [7]. И это никоим образом не меняет правовую природу процедурной деятельности по административному расследованию факта нарушений лицом ПДД и привлечению последней к административной ответственности.

Отметим, что для установления равновесия между законными интересами отдельного индивида и общества важно ответить на вопрос: гарантированная лицу, гражданину надлежащая правовая процедура и не нарушаются ли в этом случае гарантированы конституционные права и основополагающие свободы? Ответ на этот вопрос, по нашему мнению, стоит искать через принцип верховенства права. Ч. 1 ст. 8 Конституции РФ закреплен один из главных элементов этого принципа – юридическая определенность [8].

Анализируя комплексно ст. 12-28 КоАП, следует ее соотнести со ст. 59 Конституции РФ. Согласно этой статье, каждое лицо имеет право на правовую помощь адвоката при рассмотрении его дела, и государство не может устанавливать в законе ограничения этого права. Тот факт, что нормативным актом предусмотрена возможность составления протокола без вынесения постановления по делу, ни в коем случае не может ограничивать права лица на профессиональную правовую помощь. Не стоит отождествлять понятия возможности обжалования постановления и реализацию права на участие в рассмотрении дела о привлечении к административной ответственности, поскольку последнее является лишь правом на восстановление нарушенного права. А во время фиксирования таких событий лицо, которое привлекается к ответственности, лишено права защищать свою позицию в процессе оформления факта административного правонарушения.

Порядок, предусмотренный ст. 12-28 КоАП, вовсе не предусматривает возможности применения к лицу, которое привлекается к административной ответственности, освобождения от ответственности. Как следствие, невозможность применения норм об освобождении к ответственности дает основания ставить под сомнение надлежащую реализацию индивидуального характера административной ответственности. На наш взгляд, стоит пересмотреть указанную статью и внести в нее соответствующие изменения.

Отметим, что изменениями, внесенными в КоАП в части фото - и видеофиксации ПДД, зафиксированных в автоматическом режиме, относительно порядка привлечения лица к административной ответственности ограничена возможность доказывать свою невиновность.

Решением ЕСПЧ по делу «Яллох против Германии» (Jalloh v. Germany) от 11 июля 2006 г., общественные интересы не могут оправдать меры, что уничтожают саму суть права на защиту, включая право не свидетельствовать против себя (привилегия против самообичевания). Поэтому необходимо принять во внима-

ние указанную практику ЕСПЧ и надлежащим образом обеспечить возможность лица реализовать, если возникает такая необходимость, презумпцию невиновности [7].

Необходимо внести изменения в ст. 12-28 КоАП в части возможности освобождения лица, привлекаемого к административной ответственности за совершение правонарушения, зафиксированного в автоматическом режиме, с передачей материалов на рассмотрение общественной организации или трудового коллектива, если с учетом характера совершенного правонарушения и личности правонарушителя к нему целесообразно применить меру общественного воздействия.

Гражданам РФ должно быть гарантировано и обеспечено соблюдение и реализацию их конституционных прав. Из-за этого нормы законодательства должны быть конкретно определенными, не противоречить друг другу, не противоречить Основному Закону.

Перспективой дальнейших научных исследований по этому вопросу мы считаем изучение будущей судебной практики и анализ тех проблем материального и процессуального характера, которые станут предметом судебных обжалований в этой правовой плоскости.

Общественные работы как вид административного взыскания за нарушение Правил дорожного движения является выполнением правонарушителем бесплатных общественно полезных работ в свободное от работы или учебы время. КоАП устанавливает ограничения в отношении субъекта, которому может быть назначен такой вид взыскания, поэтому общественные работы не назначаются лицам, признанным инвалидами I или II группы, беременным женщинам, женщинам старше 55 лет и мужчинам старше 60 лет [2].

Административный арест - это взыскание личностного характера, которое заключается в кратковременном (до 15 суток) лишении свободы правонарушителя. Это самая строгая мера административной ответственности, поэтому он не применяется к беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до двенадцати лет, к лицам, которые достигли 80 лет, к инвалидам I и II группы. К тому же, в санкции соответствующей статьи должен быть предусмотрен альтернативный вид административного взыскания.

Анализируя законодательство РФ в сфере административной ответственности за нарушение правил дорожного движения, можно сделать вывод, что самым распространенным взысканием за правонарушение является штраф, то есть денежное взыскание, что влияет на имущественные интересы правонарушителя. Относительно размера штрафа, важно, чтобы он был весомым и стал бы мерой пресечения совершения нарушений правил дорожного движения и ДТП. Поэтому чаще всего устанавливается верхняя и нижняя границы, то есть конечная сумма штрафа зависит от характера совершенного правонарушения и личности правонарушителя.

В мировой практике штрафные баллы используются как дополнительное взыскание, которое имеет целью предупредить повторные дорожные нарушения, но в России эта система имеет такие недостатки:

1) сужается круг лиц, которые могут быть привлечены к такому виду административной ответственности, поскольку субъектом в таком случае является гражданин РФ, который имеет право управления транспортным средством, такая норма делает невозможным применение мер административного воздействия в отношении лиц без гражданства и граждан иностранных государств);

2) введена система штрафных баллов требует ведения реестра водителей транспортных средств, ведь имеющаяся Национальная автоматизированная информационная система не содержит сведений о всех гражданах РФ, которые имеют право управления транспортными средствами.

Следовательно, действующее законодательство в сфере административной ответственности за нарушение правил дорожного движения является весьма разветвленным и предусматривает различные виды административных взысканий, целью применения которых является сохранение человеческой жизни и уменьшение общественно опасных дорожно-транспортных происшествий.

Заключение

На основании вышеизложенного понятно, что законодатель стремится к внесению изменений, которые могут улучшить ситуацию на дорогах РФ, опираясь на международный опыт, но пока не все нормы соответствуют общеправовым принципам, что делает невозможным их использование на практике. Решение определенных коллизий возможно с помощью внесения следующих изменений:

1) применение административной ответственности за правонарушения в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, зафиксированные в автоматическом режиме, возможно при условии соблюдения принципов законности, целесообразности, справедливости, обоснованности;

2) штрафные баллы должны работать не за «списывающей» системой, а по «накопительной», то есть за правонарушение лицу будет начисляться определенное количество штрафных баллов на виртуальный кабинет (например, накопительная система применяется в Великобритании, где согласно статистике справочного сайта World Life Expectancy количество смертей в ДТП – 2,58% на 100 тысяч человек);

3) необходимо редактировать материально-правовые и процессуально-правовые нормы относительно административных взысканий за нарушение правил дорожного движения в соответствии с требованиями современного общества, поскольку большинство норм являются устаревшими, из – за чего они являются малоэффективными, а в некоторых случаях-абсолютно недейственными.

Литература

1. Комаров С.В., Столбова Н.В., Незнамов А.В., Чудинов О.Р., Файнбург Г.З. Обзор панельной дискуссии «Беспилотные автомобили: моральные вызовы и правовое регулирование» (3 декабря 2018 года) // Технологос. 2019. № 2. С. 52 – 67.

2. Незнамов А.В. Правила беспилотного вождения: об изменениях Венской конвенции о дорожном движении // Закон. 2018. № 1. С. 172 – 182.

3. Чурилов А.Ю. Правовые основы ответственности за вред, причиненный при эксплуатации автономного автомобиля // Правовая парадигма. 2018. Т. 17. № 4. С. 30 – 34.

4. Чучаев А.И., Маликов С.В. Ответственность за причинение ущерба высокоавтоматизированным транспортным средством: состояние и перспективы // Актуальные проблемы Российского права. 2019. № 6. С. 117 – 124.

5. Головкин В.Д., Назаров С.В. Технические средства обеспечения безопасности дорожного движения. Фотовиде-офиксация: технические требования и реализация // Транспортное право. 2017. № 2. С. 16 – 20.

6. Майоров В.И., Бекетов О.И. Административная ответственность в сфере обеспечения безопасности дорожного движения: современные тенденции и перспективы // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 4. С. 563 – 567.

7. Майоров В.И., Дымберов А.Д., Молчанов П.В. Правовые проблемы применения специальных технических средств автоматической фотовидеофиксации нарушений Правил дорожного движения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3. С. 69 – 77.

8. Маркарян П.К. Понятие административной ответственности в науке и законодательстве // Бизнес в законе. 2010. № 4. С. 122 – 125.

9. Комментарий к Правилам дорожного движения Российской Федерации / под ред. В.Н. Кирьянова. М.: ООО «Книжное издательство «За рулем». 2011.

10. Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 297-ФЗ «О самоходных машинах и других видах техники» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть I). ст. 5125.

11. Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2020 г. № 1507 «Об утверждении Правил государственной регистрации самоходных машин и других видов техники» // Собрание законодательства РФ. 05.10.2020. № 40. ст. 6253.

12. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 283-ФЗ «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.08.2018. № 32 (часть I). ст. 5076.

13. Якимов А.Ю. Систематизация совокупности ограничений, связанных с участием в дорожном движении некоторых разновидностей транспортных средств // Безопасность дорожного движения: сборник научных трудов. М., 2020. С. 3.

14. Решение Архангельского областного суда от 30 апреля 2021 г по делу об административном правонарушении № 7п-354/2021 // ГАС «Правосудие»

15. Wang X., Zhoua O., Yanga J., Youa S., Songa Y., Xuеc M. Macro-level traffic safety analysis in Shanghai, China // Accident Analysis and Prevention. 2019. Vol. 125. P. 249 – 256.

References

1. Komarov S.V., Stolbova N.V., Neznamov A.V., Chudinov O.R., Fajnburg G.Z. Obzor panel'noj diskussii «Bespilotnye avtomobili: moral'nye vyzovy i pravovoe regulirovanie» (3 dekabnja 2018 goda). Tehnologos. 2019. № 2. S. 52 – 67.

2. Neznamov A.V. Pravila bespilotnogo vozhdenija: ob izmenenijah Venskoj konvencii o dorozhnom dvizhenii. Zakon. 2018. № 1. S. 172 – 182.

3. Churilov A.Ju. Pravovye osnovy otvetstvennosti za vred, prichinennyj pri jekspluatacii avtonomnogo avtomobilja. Pravovaja paradigma. 2018. Т. 17. № 4. S. 30 – 34.

4. Chuchaev A.I., Malikov S.V. Otvetstvennost' za prichinenie ushherba vysokoavtomatizirovannym transportnym sredstvom: sostojanie i perspektivy. Aktual'nye problemy Rossijskogo prava. 2019. № 6. S. 117 – 124.

5. Golovkin V.D., Nazarov S.V. Tehnicheskie sredstva obespechenija bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija. Fotovide-ofiksacija: tehicheskie trebovanija i realizacija. *Transportnoe pravo*. 2017. № 2. S. 16 – 20.
 6. Majorov V.I., Beketov O.I. Administrativnaja otvetstvennost' v sfere obespechenija bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija: sovremennye tendencii i perspektivy. *Sibirskoe juridicheskoe obozrenie*. 2019. T. 16. № 4. S. 563 – 567.
 7. Majorov V.I., Dymberov A.D., Molchanov P.V. Pravovye problemy primeneniya special'nyh tehicheskikh sredstv avtomaticheskoy fotovideofiksacii narushenij Pravil dorozhnogo dvizhenija. *Juridicheskaja nauka i pravoohranitel'naja praktika*. 2016. № 3. S. 69 – 77.
 8. Markarjan P.K. Ponjatie administrativnoj otvetstvennosti v nauke i zakonodatel'stve. *Biznes v zakone*. 2010. № 4. S. 122 – 125.
 9. Kommentarij k Pravilam dorozhnogo dvizhenija Rossijskoj Federacii. pod red. V.N. Kir'janova. M.: OOO «Knizhnoe izdatel'stvo «Za rulem». 2011.
 10. Federal'nyj zakon ot 2 ijulja 2021 g. № 297-FZ «O samohodnyh mashinah i drugih vidah tehniki». *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 05.07.2021. № 27 (chast' I). st. 5125.
 11. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 21 sentjabrja 2020 g. № 1507 «Ob utverzhdenii Pravil gosudarstvennoj registracii samohodnyh mashin i drugih vidov tehniki». *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 05.10.2020. № 40. st. 6253.
 12. Federal'nyj zakon ot 3 avgusta 2018 g. № 283-FZ «O gosudarstvennoj registracii transportnyh sredstv v Rossijskoj Federacii i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii». *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 06.08.2018. № 32 (chast' I). st. 5076.
 13. Jakimov A.Ju. Sistematizacija sovokupnosti ogranichenij, svjazannyh s uchastiem v dorozhnom dvizhenii nekotoryh raznovidnostej transportnyh sredstv. *Bezopasnost' dorozhnogo dvizhenija: sbornik nauchnyh trudov*. M., 2020. S. 3.
 14. Reshenie Arhangel'skogo oblastnogo suda ot 30 aprelja 2021 g po delu ob administrativnom pravonarushenii № 7p-354/2021. GAS «Pravosudie»
 15. Wang X., Zhoua O., Yanga J., Youa, S., Songa Y., Xuec M. Macro-level traffic safety analysis in Shanghai, China. *Accident Analysis and Prevention*. 2019. Vol. 125. P. 249 – 256
-

***Развитие института целевых индивидуальных санкций в ЕС:
вызовы для санкционного механизма и путь к их преодолению***

Лаврик Т.М., кандидат юридических наук, доцент,
Тамбовский государственный технический университет

Аннотация: сложности в санкционном механизме ЕС возникли в связи с развитием института целевых индивидуальных санкций, который пришел на смену институту всеобъемлющих санкций. Санкционный механизм оказался неготовым к такому развитию событий, ведь формально им предусматривалась возможность введения санкций только против государств, а не против физических или юридических лиц. Выход был найден в широком толковании статей 60 и 301, в частности использованного в них понятия «третье государство». В актах Совета и комиссии это понятие стало толковаться как такое, что охватывает лидеров и высокопоставленных лиц третьих стран, а также связанных с ними лиц, осуществляющих контроль над территорией Третьего государства, а следовательно, тесно связаны и могут быть ассоциированы с ней. Еще большей проблемой стала потребность в правовом регулировании санкций против лиц, не связанных с государством, которая возникла из-за необходимости имплементации антитеррористических резолюций СБ ООН, которыми в санкционные списки были включены лица, которые никоим образом не связаны с территорией какой-либо страны. Эту проблему комиссия попыталась решить путем использования механизма статей 60 и 301 ДЕЭС в сочетании со статьей 308. последняя позволяет принимать меры, не предусмотренные уставными договорами ЕС, если это необходимо для достижения целей сообщества. По сути, процедура введения санкций против лиц, не связанных с государством, была аналогичной процедуре введения санкций против государств, однако такая процедура могла быть использована только с согласия Европейского парламента. Это решение нельзя охарактеризовать иначе чем временный паллиатив, с помощью которого Европейский Совет преодолел пробел в праве, однако необходимость дополнения европейского законодательства в данном вопросе с самого начала была очевидной.

Ключевые слова: права, процедура, договора, территория, механизм

***Development of the institution of targeted individual sanctions in the EU:
challenges for the sanctions mechanism and the way to overcome them***

Lavrik T.M., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Tambov State Technical University

Abstract: difficulties in the EU sanctions mechanism arose due to the development of the institution of targeted individual sanctions, which replaced the institution of comprehensive sanctions. The sanctions mechanism turned out to be unprepared for such a development of events, because formally it provided for the possibility of imposing sanctions only against states, and not against individuals or legal entities. The solution was found in a broad interpretation of articles 60 and 301, in particular the concept of "third State" used in them. In the acts of the Council and the Commission, this concept began to be interpreted as one that covers leaders and high-ranking officials of third countries, as well as persons associated with them who exercise control over the territory of a Third State, and therefore are closely related and can be associated with it. An even bigger problem was the need for legal regulation of sanctions against persons not related to the state, which arose due to the need to implement the anti-terrorist resolutions of the UN Security Council, which included in the sanctions lists persons who are in no way connected with the territory of any country. The Commission tried to solve this problem by using the mechanism of Articles 60 and 301 of the EEC in combination with Article 308. The latter allows taking measures not provided for in the statutory treaties of the EU, if necessary to achieve the goals of the community. In fact, the procedure for imposing sanctions against persons not related to the State was similar to the procedure for imposing sanctions against States, but such a procedure could only be used with the consent of the European Parliament. This decision cannot be characterized otherwise than as a temporary palliative, with the help of which the European Council has overcome a gap in the law, but the need to supplement European legislation in this matter was obvious from the very beginning.

Keywords: *rights, procedure, contracts, territory, mechanism*

Также необходимо учитывать нормы по воздержанию от голосования, в частности механизм «конструктивного воздержания». Согласно ему, удержание государства-члена от голосования не предотвращает принятие решения (если только одна треть государств-членов, представляющих одну треть населения ЕС, не воздерживается от голосования). Также государство-член может воздержаться от голосования путем формальной декларации [3].

Тем не менее, действуя по мотивам солидарности, государства-члены должны воздерживаться от любых действий, которые могли бы осложнить деятельность Союза, осуществляемую в соответствии с принятым решением. Такой гибкий инструмент позволяет государствам-членам уклониться от принятия решения без его блокировки. Правда, механизм конструктивного удержания в практике СЗППБ оказался не очень

эффективным. Учитывая то, что принятие законодательных актов в отношении СЗППБ в соответствии со ст. 31 дес исключается, для принятия санкций против физических и юридических лиц и их имплементации возникла необходимость в принятии дальнейших актов. В частности, меры, предусмотренные СЗППБ по решениям Совета, могут быть имплементированы двумя различными способами: в зависимости от типа санкций и распределения компетенций между ЕС и государствами-членами.

Во-первых, имплементация определенных мероприятий осуществляется непосредственно государствами-членами. Так происходит, среди прочего, в случаях, когда у ЕС нет компетенции для принятия мер, предусмотренных решением по СЗППБ. В любом случае, поскольку решения, принятые в рамках СЗППБ, являются обязательными, у государств-членов существует правовое обязательство действовать в соответствии с таким актом. Так, обычно эмбарго на поставки оружия и запрет на въезд выполняются непосредственно государствами-членами. Эмбарго на поставки оружия накладывается на основании ст. 346 ГФЕС, а его имплементация осуществляется через национальное законодательство государств-членов. Одной из наиболее распространенных ограничительных мер ЕС является ограничение доступа на его территорию граждан третьих стран. Запрет на въезд может предусматривать отказ в выдаче визы [7]. Такие меры применяются органами власти государств-членов, поскольку именно они выдают визы и являются ответственными за пограничный контроль на своей территории.

Во-вторых, введение санкций, предусмотренных решением, принимаемым в рамках СЗППБ в соответствии с ГФЕС, требует разработки дополнительного европейского законодательства. В таком случае меры, ограничивающие торговые или финансовые отношения с третьей страной, подпадают под действие торговой политики ЕС, поскольку затрагивают движение капиталов и функционирование внутреннего рынка. На практике совет, как правило, в своих решениях указывает на необходимость дальнейших действий Союза для имплементации определенных мер. Это позволяет Верховному представителю и Комиссии предложить регламент, которым соответствующие меры имплементируются в права ЕС.

Указанное дело возникло из регламента Совета 881/2002, которым были введены ограничительные меры против определенных физических и юридических лиц, связанных с Осамой бен Ладеном, Аль-Каидой и Талибаном. Поскольку регламент был принят к заключению Лиссабонского договора, правовым основанием его принятия стали ст. ст. 60, 301 и 308 ДЕЭС.

Со вступлением в силу Лиссабонского договора, комиссия предложила внести изменения в регламент на основании ст. 215 ГФЕС, в том числе относительно информирования Европейского парламента. Комитет по правовым вопросам парламента немедленно высказал возражения относительно этого предложения ссылаясь на то, что правовым основанием для применения санкций против указанных лиц должна быть ст. 75 ГФЕС, поскольку регламент направлен на предупреждение и борьбу с терроризмом, осуществляемый негосударственными группами. Тем не менее, изменения в регламент были внесены именно на основании ст. 215, которая была предложена комиссией, и из-за этого Европейский Парламент подал иск об отмене этих изменений в суд ЕС.

В своем иске Парламент определял, что выбор правового основания должен опираться на объективные факторы, которые являются пригодными для судебного пересмотра, в том числе содержание мероприятия

[10]. Поскольку спорный регламент был лишь дополнением к регламенту 881/2002, он должен был приниматься на том же основании, поскольку их содержание и цель были идентичными. Также Парламент считал, что по содержанию спорный регламент не изменил природы регламента 881/2002, а лишь переформулировал и объяснил отдельные его положения. Поскольку же его целью была борьба с финансированием терроризма, надлежащим правовым основанием для принятия регламента могла быть только ст. 75 ДФЕС.

Со своей стороны, Совет считал, что целью обоих регламентов была борьба с международным терроризмом и его финансированием с целью поддержания международного мира и безопасности. Соответственно, регламент был правомерно принят на основании ст. 215 ГФЕС, поскольку он принимался в рамках СЗББП, а не ПСБП. Для поддержания своей позиции совет провел различие между внутренними и внешними террористами, заявив, что договоры, которые существовали до вступления в силу Лиссабонского договора, не предоставляли специальных правовых оснований для принятия мер против внутренних террористов, а следовательно регламент 881/2002 мог касаться только внешних террористов. Следовательно, оба спорных регламента не могли касаться ПСБП, а попадали под действие СЗППБ. Кроме того, комиссия ссылаясь на то, что для дополнения своего правового акта она использовала те же положения, что были использованы для первоначального акта. Рассматривая правовые последствия вступления в силу Лиссабонского договора для регламента 881/2002, она пришла к выводу, что новая ст. 215 ГФЕС покрывала все соответствующие аспекты прежних ст. ст. 60, 301 и 308 ДЕЭС, а следовательно наиболее логичным представлялось использование именно ст. 215. Что касается ст. 75, комиссия считала, что она не может быть использована, поскольку ст. ст. 75 и 215 имеют различные процессуальные предпосылки применения. Статья 215 рассматривалась ею как единый надлежащий правовой базис из-за ее связи с СЗППБ и решения СБ ООН. Она подчеркнула, что использование ст. 75 заставило бы искать конкретную географическую связь с террористическими группами, против которых введены санкции, что было невозможно в случае с Аль-Каидой и Талибаном [8]. На основании этого, комиссия приходила к выводу, что ограничительные меры, связанные с терроризмом, должны приниматься исключительно на основании ст. 215 ДФЕС.

Генеральный адвокат Суда ЕС И. Бот поддержал позицию Совета. Он указал, что ст. 215 является надлежащим правовым базисом для принятия мер «направленных на поддержку действий третьих стран в борьбе с терроризмом на их территории, поскольку по самой своей природе они попадают под действие СЗППБ, равно как и меры, направленные против физических и юридических лиц, прямо определенных Советом Безопасности ... имплементация Европейским Союзом мер, решение по которым вынесено Советом Безопасности, отнесено к компетенции ведения государств-членов». С другой стороны, по мнению Генерального Адвоката, ст. 75 могла применяться лишь для принятия ЕС автономных санкций.

Суд, прежде всего, рассмотрел возможность применения двойного правового основания и пришел к выводу, что это невозможно из-за несоответствия процедур, а, следовательно, необходимо было сделать выбор между ст. ст. 75 и 215. С этой целью Суд рассмотрел их сферу регулирования, отметив, что он соглашается с мнением сторон, что правовое основание для спорного регламента должно соответствовать правовому основанию регламента 881/2002. рассматривая сферу охвата ст. 75, Суд отметил, что она

отражает содержание ст. ст. 60 и 301 ДЕЭС, поскольку ею устанавливается норма о полном или частичном прерывании экономических отношений с одной или более третьими странами, равно как и в ст. ст. 60 и 301 предварительного договора. Кроме того, ст. 215 больше не требует дополнительной ссылки на другую статью (как это было в случае со ст. 308 ДЕЭС) для принятия мер, направленных против физических лиц, не связанных с правящим режимом третьей страны [5].

Суд ЕС определил, что ст. 215 ГФЕС регулировала отношения, связанные с внешней политикой ЕС, поскольку ею предусматривалось введение санкций против третьих стран, а также против физических и юридических лиц и групп. Более того, этой статьей создавался «мостик» между решениями, принятыми в рамках СЗППБ и принятием экономических санкций на основании ГФЕС, в то время как ст. 75 не имела связи с СЗППБ. На этом основании Суд пришел к выводу, что ничто в формулировке ст. 215 не исключает применения ограничительных мер для борьбы с терроризмом.

Установив сферу регулирования ст. 215, Суд рассмотрел ст. 75 и определил, что в ней отсутствуют параллели с предыдущими ст. ст. 60 и 301 ДЕЭС, ведь она не позволяет прерывания или сокращения экономических отношений с третьими странами, однако ссылается на административные меры по движению капиталов и платежей. Это явно свидетельствовало о различии в целях ст. 75 ДФЕС и ст. ст. 60 и 301 ДЕЭС. В отношении этого Суд разъяснил, что ст. 75 разработана для борьбы с терроризмом и его финансированием, однако, в отличие от ст. 215, относится к сфере ПСБП, а не СЗППБ. Отвергнув предположение о том, что ст. 75 составляет более специальное правовое основание чем ст. 215, Суд определил, что спорный регламент принят для имплементации резолюции СБ ООН и направлен на поддержание международного мира и безопасности, а, следовательно, такого, что подпадает под действие СЗППБ.

Суд ЕС сослался на связь спорного Регламента с резолюцией СБ ООН для установления различий между ст. ст. 75 и 215 ДФЕС. Статья 75 подпадала под действие ПСБП и касалась внутренней безопасности ЕС, а, следовательно, могла быть использована только для принятия автономных санкций. Статья 215 применяется в случае принятия предварительного решения в сфере СЗППБ, и направлена на сохранение международной безопасности, а, следовательно, только она могла быть применена для имплементации санкционного режима ООН в право ЕС. Поскольку же оба регламента были направлены на имплементацию резолюции СБ ООН 1390, речь шла о специальном международном обязательстве по сохранению мира и международной безопасности. Соответственно, единственным правовым основанием для их принятия могла служить только ст. 215 ДФЕС.

Принятое Судом ЕС решение определило не только правовое основание применения определенного типа санкций, но и фактически уточнило полномочия отдельных институтов ЕС в санкционной политике. Им была подтверждена определяющая роль Совета и комиссии в принятии европейских санкций. По сути, именно эти органы определяют санкционную политику ЕС во всех случаях, ведь решения по ст. 75 ДФЕС, в принятии которых участвует Парламент, до сих пор не принимались. Таким образом, сейчас во всех случаях именно Совет и комиссия определяют европейскую политику в отношении санкций [1].

Итак, эволюция института санкций в направлении индивидуализации нашла отражение в Лиссабонском договоре. Им было введено распределение санкций на такие, которые направлены против третьих государств, и такие, которые направлены против лиц, как связанных, так и не связанных с государством. Изменения не коснулись базовой двухэтапной процедуры принятия санкций, однако создали достаточные и недвусмысленные правовые основания для распространения этого механизма на индивидуальные санкции. Важной эволюцией стало также предоставление Верховному представителю ЕС по вопросам иностранных дел и политики безопасности полномочий участвовать в процессе принятия Советом решений [4].

Лиссабонский договор привнес проблему соотношения ст. ст. 75 и 215 ДФЕС, отражавшую более глубокий вопрос о соотношении СЗППБ (в рамках которой принимаются решения по ст. 215) С ПСБП (с которым связана ст. 75). Хотя теоретически ПСБП, а следовательно, и ст. 75 могут иметь внешнее измерение, среди институтов ЕС сложилась практика отношения к ст. 75 как к регулирующей исключительно отношения внутри Союза, а к ст. 215 – как к таковой, касающейся исключительно внешней политики. В этой практике правовым основанием принятия санкций против третьих стран, а также физических лиц и негосударственных групп, является исключительно ст. 215, а ст. 75 ни разу не была использована для внедрения санкций.

Проблематика соотношения ст. ст. 75 и 215 также породила институциональный конфликт между Европейским Парламентом с одной стороны и советом и Комиссией с другой. Стремясь к более широкому участию в процессе применения санкций, Парламент пытался использовать ст. 75 ГФЕС, которая предусматривает его привлечение к принятию соответствующих решений. Совет и комиссия, в свою очередь, настаивали на возможности использования ст. 215 для введения санкций против любых третьих лиц, не связанных с государством, то есть на наличии у них исключительных полномочий для введения таких санкций [6]. Решением суда ЕС было признано, что статья 215 составляет достаточный правовой базис для введения санкций против любых «внешних» лиц или групп. На практике это означало, что полномочиями в санкционном процессе ЕС были наделены лишь совет и комиссия, а Европейский Парламент был исключен из процесса принятия решений относительно европейских санкций.

Реальная имплементация ограничительных мер, накладываемых на уровне ЕС, требует дальнейших действий со стороны государств-членов. В этом отношении следует различать политические и административные действия государств. Регламенты Совета, которыми вводятся санкции, имеют прямое действие в государствах-членах, и как часть права ЕС, имеют большую юридическую силу по сравнению с национальным законодательством. Следствием этого является то, что, как правило, они не требуют дальнейшего законодательства государств-членов [9]. Однако на практике регламенты могут требовать принятия дополнительного национального законодательства. Обычно, это касается законодательного закрепления наказаний за нарушение санкционного режима (так называемых «вторичных санкций»).

Регламенты, которыми налагаются ограничительные меры, обычно, содержат стандартное положение, изложенное в руководстве по имплементации и оценке ограничительных мер (санкций) в рамках СЗППБ. Например, регламент 267/2012, касающийся санкций против Ирана, устанавливает обязанность государств-членов " изложить правила о наказаниях, которые применяются в случаях нарушения регламента, и

обязывают государства осуществить все необходимые меры для их имплементации. Установленные наказания должны быть эффективными, пропорциональными и убедительными».

Исходя из этого положения, государства-члены имеют соответствующий набор положительных обязательств:

- 1) обязанность принятия внутренних мер по наложению наказаний за нарушение ограничительных мер;
- 2) обязанность осуществить все необходимые действия для имплементации таких мер;
- 3) обязанность гарантировать, что наказания будут эффективными, пропорциональными и убедительными.

Как следствие, даже если выбор наказаний остается за государством-членом, он ограничивается вышеуказанными требованиями.

Наказания, к которым прибегают государства-члены, могут предусматривать административные, гражданские меры или уголовные преследования. В некоторых случаях уголовные наказания применяются *ad hoc* в отношении конкретных санкционных режимов (например, в Нидерландах), а в некоторых странах (например, в Финляндии) существует общий уголовный запрет нарушения регламентов ЕС.

Согласно европейскому законодательству, государства-члены имеют обязанность немедленно уведомить комиссию о принятых правилах относительно санкций. Передача государствам-членам компетенции определять правила относительно наказаний за нарушение ограничительных мер ЕС приводит к несоответствию наказаний в разных странах. Однако маловероятно, что Союз возьмет на себя такую функцию, по крайней мере в ближайшее время.

Кроме принятия законодательных изменений, государства-члены ЕС также несут обязанность выполнить ряд важных задач по гарантированию реализации на их территориях санкционных режимов. Сам ЕС не имеет институтов, которые занимались бы мониторингом выполнения санкционных мер в отношении физических и юридических лиц. Соответственно, на национальные органы возлагается задача сотрудничать с соответствующими экономическими операторами (в частности, финансовыми и кредитными институтами) в применении санкций. Иными словами, как отмечают К.Э. Голумбич и Р.С. Руфф, " в то время, как законодательство ЕС определяет его санкционную политику, способствует принятию санкционных программ и определяет их цели, деятельность в рамках санкционного режима ЕС ложится на плечи государств-членов».

Интересен факт создания Европейской комиссией онлайн-платформы, которая позволяет любому, по желанию на принципах анонимности, сообщать о фактах, обстоятельствах или физических или юридических лиц, которые могут быть причастны к прошлым, текущим или запланированным нарушениям или к попыткам нарушения санкций, принятых ЕС.

Еще один аспект имплементации санкций ЕС, который передан на усмотрение национальных государств-это определение исключений. Обычно, документы ЕС относительно финансовых ограничений, ограничений въезда или других ограничительных мер, содержат положения относительно возможных исключений, касающихся " базовых потребностей лиц, оплаты сборов за юридические услуги, экстраординарных расходов, гуманитарных потребностей или международных обязательств».

Предоставление таких исключений, как правило, базируется на оценке каждого конкретного случая или ситуации лица и передается по усмотрению национальных органов. Последние также могут иметь компетенцию по установлению условий для предоставления исключений таким образом, чтобы ими не нарушались цели санкционного режима. Акты ЕС, которыми налагаются санкции, не приводят детальных критериев по предоставлению исключений. Определенным ориентиром для национальных органов являются руководства ЕС по санкционным режимам, однако у них не хватает специфических рекомендаций, что оставляет за компетентными органами государств-членов широкую меру усмотрения [2].

Безусловно, возможны сомнения относительно возможных противоречий в имплементации санкций ЕС в правовых системах 27 отдельных независимых государств-членов, особенно в аспекте исключений, и в целом в применении санкций. Разногласия в фактической имплементации санкционных программ ЕС могут происходить и от неравенства финансовых ресурсов разных государств, от разных уровней эффективности и профессионализма органов власти, от различных политических влияний и отношения к государствам и лицам, попавшим под санкции, или от стремления защитить экономические интересы собственных предприятий. В контексте вышеназванных причин разногласий при имплементации санкционной политики государствами-членами, некоторые авторы предлагают создать в структуре ЕС централизованное агентство, ответственное за выдачу и пересмотр решений об исключении из санкционных режимов.

В процессе применения экономических санкций ЕС иногда подвергаются риску политические или экономические интересы государств-членов. Даже в случаях единства Совета и отсутствия прямого вето со стороны любого государства, отдельные европейские страны могут прийти к выводу о невыгодности для них принятых ЕС санкций и разнообразным способом оказать сопротивление принятию санкций или их выполнению.

» Цена " санкций для европейских стран нередко является значительной, особенно когда они сохраняются в течение длительного периода времени. Элементами такой "цены" являются потери доходов, сокращение рабочих мест, потеря доли на рынке, публичные расходы и проблемы, возникающие из-за применения целевым государством контрмер. Свою роль играют и политические потери, хотя их «цену» подсчитать значительно труднее.

В случаях запрета на въезд или замораживания активов, влияние на экономику самого ЕС и его государств-членов оказывается очень незначительным. Однако, совсем другая ситуация возникает при применении широкого перечня экономических санкций вроде тех, что были введены против Ирана или Российской Федерации. Так, санкции против Ирана привели к значительным потерям доходов от экспорта товаров и услуг и прервали импорт в ЕС иранских энергоносителей, заставив государства-члены переключаться на альтернативные источники. В случае РФ санкции вызвали контрмеры с ее стороны в виде запрета импорта сельскохозяйственной продукции из ЕС.

Литература

1. Arbatli C.E., Gomtsyan D. Sectarian aid, sanctions and subnational development // *European Economic Review*. 2021. № 139. P. 103891. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2021.103891>
2. Åström S. Perspectives on using cost-benefit analysis to set environmental targets – a compilation and discussion of arguments informed by the process leading to the 2016 EU air pollution emission targets // *Environmental Impact Assessment Review*. 2023. № 98. P. 106941. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.eiar.2022.106941>
3. Bager S.L., Persson U.M., dos Reis T.N.P. Eighty-six EU policy options for reducing imported deforestation // *One Earth*. 2021. № 4 (2). P. 289 – 306. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.oneear.2021.01.011>
4. Crowley-Vigneau A., Kalyuzhnova Y., Ketenci N. What motivates the ‘green’ transition: Russian and European perspectives. *Resources Policy*. 2023. № 81. P. 103128. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.103128>
5. Crozet M., Hinz J., Stammann A., Wanner J. Worth the pain? Firms’ exporting behaviour to countries under sanctions // *European Economic Review*. 2021. № 134. P. 103683. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2021.103683>
6. Felbermayr G., Morgan T.C., Syropoulos C., Yotov Y.V. Understanding economic sanctions: Interdisciplinary perspectives on theory and evidence // *European Economic Review*. 2021. № 135. P. 103720. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2021.103720>
7. Moss T. The governance of land use in river basins: prospects for overcoming problems of institutional interplay with the EU Water Framework Directive // *Land Use Policy*. 2004. № 21 (1). P. 85 – 94. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2003.10.001>
8. Moteng G., Raghutla C., Njangang H., Nembot L.N. International sanctions and energy poverty in target developing countries // *Energy Policy*. 2023. № 179. P. 113629. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.enpol.2023.113629>
9. Shayan F., Harsij H., Badulescu D. Regional institutions’ contribution to energy market integration in the middle East // *Energy Strategy Reviews*. 2024. № 51. P. 101266. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.esr.2023.101266>
10. Živojinović I., Rogelja T., Weiss G., Ludvig A., Secco L. Institutional structures impeding forest-based social innovation in Serbia and Slovenia // *Forest Policy and Economics*. 2023. № 151. P. 102971. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.forpol.2023.102971>

References

1. Arbatli C.E., Gomtsyan D. Sectarian aid, sanctions and subnational development. *European Economic Review*. 2021. № 139. P. 103891. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2021.103891>
2. Åström S. Perspectives on using cost-benefit analysis to set environmental targets – a compilation and discussion of arguments informed by the process leading to the 2016 EU air pollution emission targets. *Environmental Impact Assessment Review*. 2023. № 98. P. 106941. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.eiar.2022.106941>

3. Bager S.L., Persson U.M., dos Reis T.N.P. Eighty-six EU policy options for reducing imported deforestation. *One Earth*. 2021. № 4 (2). P. 289 – 306. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.oneear.2021.01.011>
4. Crowley-Vigneau A., Kalyuzhnova Y., Ketenci N. What motivates the ‘green’ transition: Russian and European perspectives. *Resources Policy*. 2023. № 81. P. 103128. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.103128>
5. Crozet M., Hinz J., Stammann A., Wanner J. Worth the pain? Firms’ exporting behaviour to countries under sanctions. *European Economic Review*. 2021. № 134. P. 103683. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2021.103683>
6. Felbermayr G., Morgan T.C., Syropoulos C., Yotov Y.V. Understanding economic sanctions: Interdisciplinary perspectives on theory and evidence. *European Economic Review*. 2021. № 135. P. 103720. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2021.103720>
7. Moss T. The governance of land use in river basins: prospects for overcoming problems of institutional interplay with the EU Water Framework Directive. *Land Use Policy*. 2004. № 21 (1). P. 85 – 94. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2003.10.001>
8. Moteng G., Raghutla C., Njangang H., Nembot L.N. International sanctions and energy poverty in target developing countries. *Energy Policy*. 2023. № 179. P. 113629. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.enpol.2023.113629>
9. Shayan F., Harsij H., Badulescu D. Regional institutions’ contribution to energy market integration in the middle East. *Energy Strategy Reviews*. 2024. № 51. P. 101266. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.esr.2023.101266>
10. Živojinović I., Rogelja T., Weiss G., Ludvig A., Secco L. Institutional structures impeding forest-based social innovation in Serbia and Slovenia. *Forest Policy and Economics*. 2023. № 151. P. 102971. <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.forpol.2023.102971>

***Регулирование электронного фандрайзинга и краудсорсинга: новые технологии
мобилизации ресурсов в современной экономике знаний***

Сулейманов Б.Б., кандидат исторических наук, доцент,
заслуженный юрист Республики Дагестан, председатель комитета по финансам,
бюджету, налогам и муниципальной собственности Собания депутатов
городского округа с внутригородским делением «город Махачкала»,
Северо-Кавказский институт Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация: в современном обществе материально-финансовое формирование как отдельных человеческих сообществ, так и общества в целом напрямую зависит от способностей к привлечению и успешному использованию экономических ресурсов. Быстрое развитие сетевых технологий обусловило возникновение и распространение не только новых форм предпринимательства (стартапы, Сетевой маркетинг и др.), но и всестороннее использование электронного фандрайзинга для привлечения необходимых предприятию ресурсов. В условиях формирования так называемой «экономики знаний» возникают и становятся все более распространенными технологии краудсорсинга – ресурсомобилизующей технологии, использующей социальные сети и Интернет для аккумуляции необходимых экономике ресурсов. К видам краудсорсинга обычно относят интеллектуальный краудсорсинг, краудфандинг и краудинвестинг, краудрекрутинг и другие технологии привлечения креативных, интеллектуальных, финансовых, трудовых ресурсов. На сегодняшний день данные технологии фандрайзинга являются чрезвычайно широко примененными, ведь они позволяют охватить значительное количество людей без территориальных, экономических социальных, корпоративных и других ограничений, что обуславливает эффективность их применения. На сегодняшний день как финансирование коммерческих инновационных проектов и общественно важных инициатив, так и спонсирование науки творчества и сферы развлечений приобретают децентрализованный характер. Это означает, что физические и юридические лица, нуждающиеся в дополнительных финансовых ресурсах для продолжения собственной деятельности ведут переговоры не с банками или инвестиционными компаниями относительно кредита, а обращаются к рядовым пользователям интернета, равнодушным к судьбе тех или иных проектов, или заинтересованным в будущем таким инициативам.

Ключевые слова: *пользователь интернета, кредит, финансовые ресурсы, инновационные проекты, ограничения*

***Regulation of electronic fundraising and crowdsourcing: new technologies
for resource mobilization in the modern knowledge economy***

Suleymanov B.B., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Dagestan, Chairman of the Committee on Finance,
Budget, Taxes and Municipal Property of the Council of Deputies
of the urban district with the inner-city division "City of Makhachkala",
North Caucasus Institute of the All-Russian State
University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

Abstract: in modern society, the material and financial formation of both individual human communities and society as a whole directly depends on the ability to attract and successfully use economic resources. The rapid development of network technologies has led to the emergence and spread of not only new forms of entrepreneurship (startups, Network marketing, etc.), but also the comprehensive use of electronic fundraising to attract the necessary resources for the enterprise. In the context of the formation of the so-called "knowledge economy", crowdsourcing technologies are emerging and becoming more widespread - resource-mobilizing technologies that use social networks and the Internet to accumulate resources necessary for the economy. The types of crowdsourcing usually include intellectual crowdsourcing, crowdfunding and crowdinvesting, crowdrekruting and other technologies for attracting creative, intellectual, financial, and labor resources. To date, these fundraising technologies are extremely widely used, because they allow you to reach a significant number of people without territorial, economic, social, corporate and other restrictions, which determines the effectiveness of their application. Today, both the financing of commercial innovative projects and socially important initiatives, as well as the sponsorship of science, creativity and entertainment are becoming decentralized. This means that individuals and legal entities who need additional financial resources to continue their own activities do not negotiate with banks or investment companies regarding a loan, but turn to ordinary Internet users who are not indifferent to the fate of certain projects, or interested in such initiatives in the future.

Keywords: *internet user, credit, financial resources, innovative projects, restrictions*

Стоит отметить, что совместное инвестирование является наиболее быстро растущим сегментом коллективных инвестиций в мире. Так, по оценкам специалистов в 2016 году общий объем средств, собранных с его помощью, составлял около \$60 миллиардов, тогда как годом ранее – \$34,4 миллиарда.

Распространившись массово, явление краудфандинга захватило все известные современному человеку сферы деятельности. В некоторых из них уже прослеживаются результаты в виде глобальных проектов, которые с успехом реализованы на самом деле [3]. Можно привести масштабные проекты краудфандинга в следующих сферах:

- в области информатизации (ярким примером является онлайн-энциклопедия Википедия);
- в архитектуре (подобные сборы осуществлялись, например, США на строительство пьедестала статуи Свободы в Нью-Йорке);
- в политике, краудфандинг применяется для проведения различных митингов, собраний и непосредственно выборов (например, в 2008 президент США Барак Обама обратился к людям за помощью в его предвыборной кампании. Итогом этого призыва стал капитал в размере почти три четверти миллиарда долларов США);
- в кинематографе;
- в экологии (английский проект SolarSchool, предлагает обеспечение английских школ солнечными панелями, для сокращения выбросов углерода, экономии денег на счетах за электроэнергию и получения прибыли по тарифу за установку возобновляемых источников энергии);
- в сельском хозяйстве – спонсоров данного направления привлекают вознаграждения, высылаемые фермерами – их собственная продукция.

Значительную роль в данном процессе сыграли социальные сети, которые стали площадкой для распространения информации о проекте и ссылок на фандрайзинговые площадки [7]. Краудфандинг как явление получил двойное назначение, связанное не только с привлечением дополнительных ресурсов для своего проекта, но и с потребностью валидации собственных идей предпринимателями и общественными активистами.

В 2012 году была запущена первая универсальная краудфандинговая площадка в Интернете Fundable.

В то же время правовое регулирование краудфандинга в государствах ЕС оставалось децентрализованным, однако в прошлом году в Официальном журнале Европейского Союза было опубликовано постановление 2020/1503 Европейского парламента и Совета в отношении европейских краудфандинговых поставщиков услуг для бизнеса вместе с директивой 2020/1504, что вносит изменения в MiFID II (Директива Евросоюза о рынках финансовых инструментов"). Целью регламента является регулирование деятельности европейских поставщиков краудфандинговых услуг, в то время как целью директивы является обеспечение того, чтобы субъекты, проводящие краудфандинговые кампании на сумму до 5 млн EUR в течение 12-месячного периода, не попадали под действие MiFID II. Вступление в силу этих нормативных документов 10 ноября 2021 года обеспечит согласованный режим краудфандинга в ЕС с целью установления режима правовой определенности во всех государствах-членах [10].

На сегодняшний день в России не вызывают удивления случаи краудфандингового финансирования потребностей добровольческих батальонов или гуманитарных миссий, реализации социальных и экологических инициатив, деятельности независимых агентств новостей, СМИ, выпуска новых познавательных и развлекательных программ и другого контента в Интернете. Краудфандинговая модель отличается своей абсолютной прозрачностью и тем, что на каждом этапе проекта инвесторы могут повлиять на результат. Участники могут вести эффективный диалог без посредников и реализовывать свои идеи [8].

Недавняя история службы доставки еды *Crvpto Eats* возобновила дискуссию по защите прав инвесторов при совместном финансировании инновационных проектов с помощью диджитал-инструментов в Интернете. Псевдо-стартап по доставке еды исчез, присвоив средства пользователей на сумму большую \$ 500 000, оставив после себя лишь рекламную продукцию в виде брендированных футболок и других аксессуаров.

Номинальные разработчики проекта *Crvpto Eats* анонсировали выход на рынок децентрализованное приложение для доставки еды, которое разрабатывалось с 2020 для того, чтобы совместить в систему доставку еды, для оплаты которой могут использоваться криптовалюты, а также традиционные виды платежей [5]. Для пользователей сервиса был обещан ряд преимуществ, среди которых возможность заказа продуктов из отдельных ресторанов в одной доставке, сверхнизкие тарифы и доставку в течение пяти минут.

В середине октября 2021 года авторы проекта презентовали логотип компании и зарегистрировали собственную торговую марку. В рекламную кампанию были привлечены популярные британские TikTok-блогеры, которые носили брендированную униформу компании и рекламировали ее услуги в своих видеороликах. Было объявлено о выпуске токена EATS в пресс-релизе, который распространили через службу *GlobeNewswire*, которую часто используют известные компании, такие как *Walmart*.

Широкая огласка и удачная маркетинговая кампания помогли привлечь значительные инвестиции за одну неделю, после этого разработчик перевел собранные средства на различные кошельки *Binance Coin*, а желающие продать свои токены получали сообщение об ошибке. Мобильное приложение *Crvpto Eats* Да и не было выпущено, фирменный сайт, страница в *Instagram* и *Telegram*-канал были удалены, как и электронная почта [1].

Таким образом, на сегодняшний день проблематика правового регулирования краудфандинговых отношений становится объектом научного интереса исследователей по всему миру, однако правовая природа данных отношений почти не исследовалась отечественными учеными. Несмотря на широкое освещение экономических характеристик краудфандинга и номинальное попечительство государства вопросами привлечения инвестиций в российскую экономику необходимость урегулирования краудфандинговых отношений правовыми средствами отмечается буквально в каждом обстоятельном исследовании по теме. Именно поэтому среди направлений осуществления данного исследования является анализ структуры краудфандинговых отношений и выяснение предела потенциала и значения их правового регулирования на национальном уровне.

В контексте обеспечения эффективного правового регулирования важна терминологическая проработка проблематики сферы общественных отношений, предлагаемой урегулировать. Следует значить, что отечественным законодательством не закреплено нормативного определения понятия краудфандинга, исключающего возможность корректного определения сферы регулируемых отношений и методов правового регулирования. Единственным упоминанием краудфандинга в действующем законодательстве России является расшифровка данного понятия как добровольного объединения ресурсов для финансирования проектов в Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в России на

период до 2020 год, однако данное определение больше раскрывает суть понятия краудсорсинга как использования ресурсов рассредоточенных интернет-пользователей в рамках одного проекта [4].

На современном этапе развития общества и экономики, характеризующемся тенденцией массового распространения информационно-коммуникационных технологий, происходит постепенное сочетание пассивной и активной роли потребителя и производителя, что приводит к трансформации финансовых отношений и появлению новых финансовых инструментов и методов мобилизации капитала. Одним из таких методов выступает совместное инвестирование (краудфандинг) как современная и инновационная модель привлечения стороннего капитала для реализации проектов.

Термин краудфандинг происходит от сочетания двух слов – crowd (толпа, толпа, масса) и funding (финансирование) – это коллективное сотрудничество людей (доноров), которые добровольно объединяют свои деньги или другие материальные или нематериальные ресурсы с целью поддержки инициатив других людей или организаций (реципиентов).

Основное преимущество краудфандинга как финансового инструмента заключается в том, что он позволяет получить финансирование проектов без участия банков, венчурных фондов и бирж. С появлением онлайн-краудфандинговых платформ процесс сбора средств стал еще проще и демократичнее [6].

На актуальности обращения внимания законодателя на вопросы правового регулирования совместного инвестирования отмечают также Н.С. Хатнюк и А.Ю. Миткаленна в своей работе «правовое регулирование краудфандинга в России», опубликованной на конференции «Interaction of society and science: prospects» в Великобритании. Исследовательницы аргументируют мнение о существовании значительных барьеров для использования совместного инвестирования в России, таких как отсутствие законодательного обеспечения данных правоотношений, нерешенность вопросов налогообложения деятельности по организации совместного инвестирования, непредвиденность государственной поддержки инвесторов и фондов, недостаточность средств защиты интеллектуальной собственности и тому подобное [9].

О чрезвычайной актуальности изучения проблематики правового регулирования свидетельствует как значительное количество научных разведок в контексте данного вопроса, так и датировка большего количества трудов 2020-2022 годом. Кроме того, следует отметить, что даже экономический контекст данного явления не является достаточно изученным, о чем свидетельствует наличие неединичных исследований возможности учета краудфандинга как финансового инструмента при осуществлении кредитно-инвестиционной политики государства.

Л.В. Елисеева отмечает, что на территории нашего государства краудфандинг с использованием диджитал-инструментов является достаточно новым феноменом. Однако в последнее время появилось несколько собственных отечественных краудфандинг - площадок. Их появление стало возможным из-за возрождения традиций меценатства, постепенного отказа от постсоветских привычек патернализма, чрезмерного потребительского поведения и пассивной гражданской позиции и тому подобное. Одной из наиболее успешных площадок краудфандинга в России является biggggidea.com, который был создан в 2009 г. для обмена идеями между социально активными людьми, поэтому и получил название Big Idea.

В 2012 г. Big Idea запустил краудфандинговую платформу "Спилнокошт", которая стала первой площадкой коллективного финансирования в России. По мнению основателей платформы, она направлена на реализацию проектов, которые способны обеспечить системные изменения в обществе и способствовать экономическому росту национальной экономики. Таким образом через такие платформы люди способны финансировать общественные изменения. На платформе размещают проекты в сфере здравоохранения, образования, литературы, спорта, музыки, науки, профессиональных путешествий и журналистики. Люди преимущественно финансируют проведение фестивалей, Общественное телевидение, радио, документальные и медицинские проекты, Городские инновации. Наибольший успех здесь имеют проекты социального предпринимательства, которые формируют социальный капитал общества и позволяют получить доход его разработчикам [2]. Понятно, что здесь объем средств можно аккумулировать значительно меньше по сравнению с зарубежными платформами, однако можно оценить спрос на инновационный продукт.

Благодаря "Спилнокошту" финансирование получили стартапы Hromadske.tv и Общественное радио.

Отдельно следует отметить вклад О.М. Шумила по исследованию правовых аспектов экологического краудфандинга. Автор, анализируя правовую природу отношений экологического краудфандинга, приходит к выводу, что экологический краудфандинг (имеет целью сбор средств, которые должны направиться на поддержание и улучшение состояния окружающей среды) является отличным. Ученые, как правило, применяют комплексный подход для разграничения публично-правовых отношений от частноправовых и считают, что в краудфандинговых правоотношениях происходит преимущественно диспозитивное (субсидиарное) правовое регулирование.

Большое значение для актуализации вопросов необходимости правового регулирования отношений совместного инвестирования и спонсирования в научном дискурсе имеет диссертационное исследование А. С. Угольковой "оценивание и государственное регулирование систем краудфандинга в национальной экономике». Среди основных достижений следует отметить усовершенствование подхода к определению понятия "государственное регулирование краудфандинговой деятельности", которое отличается от существующих тем, что охватывает процесс осуществления управленческого влияния государственных органов власти на развитие краудфандинговой деятельности с целью обеспечения развития национальной экономики путем привлечения неиспользованного потенциала сбережений населения и развития краудфандинговой инфраструктуры; выделение субъектов государственного регулирования, к которым, по мнению автора, относятся как органы государственной и местной власти, так и инициированные государством некоммерческие организации; формулировка основных задач для органов государственной и местной власти в данной сфере (обеспечение благоприятных условий для создания и эффективного функционирования систем краудфандинга, нормативно-правовое обеспечение краудфандинговой деятельности и необходимой развитие инфраструктуры) а также задач по инициативе государства некоммерческих организаций (предоставлять различные услуги и инструменты для решения проблем и вопросов, с которыми могут столкнуться инвесторы и доноры, информировать о преимуществах и недостатках поддержки определенного типа проектов, обучать разумно инвестировать и избегать

мошенничества, отвечать на вопросы, жалобы и предложения от общественности; осуществлять программу обучения инвесторов и доноров краудфандинговых проектов, включающую производство и распространение образовательных материалов, создание и участие в образовательных семинарах и ориентированных на инвесторов мероприятиях, а также партнерство с агентствами государственными регуляторами и другими организациями по вопросам грамотности инвесторов); совершенствование инструментов оценки систем краудфандинга органами центральной и местной власти, предусматривающих использование структурообразующих абсолютных (общий объем финансовых ресурсов аккумулированных с помощью краудфандинга; средняя сумма финансовых ресурсов, аккумулированных с помощью краудфандингового проекта) и относительных показателей (удельный вес вклада краудфандинговой деятельности в валовой внутренний продукт; удельный вес численности участников краудфандинговой деятельности в общей численности экономически активного населения; удельный вес вклада краудфандинговой деятельности в экономическую активность государства; показатель финансовой целесообразности применения краудфандинга, средняя сумма финансовых ресурсов, аккумулированных с помощью краудфандингового проекта) показателей.

В.В. Малойван, анализируя сущность и правовую природу краудфандинговых отношений, настаивает на отсутствии цели получения прибыли в традиционном понимании инвестором от такой инвестиционной деятельности, приходит к выводу о сходстве данных отношений с отношениями в сфере благотворительности. Однако, такая позиция не учитывает всех возможных форм краудфандинга, среди которых называют и краудинвестинг. Таким образом, дельным является сравнение и сопоставление отношений в сфере краудфандинга и отношений в сфере благотворительности с целью определения особенностей правового регулирования совместного инвестирования и спонсирования с использованием диджитал-инструментов.

Особое значение правовое регулирование отношений совместного инвестирования и спонсирования в условиях цифровой трансформации экономики приобретает именно диджитализированная форма отношений краудфандинга. Именно к такому выводу пришли в результате исследования состояния отечественного рынка краудфандинга А.Н. Шевченко и А.А. Казак. С соответствующей тезисом стоит согласиться, ведь именно цифровые инструменты используются в большинстве случаев децентрализованного привлечения средств для разного рода инициатив. Как отмечает Дж. Хау, современный краудфандинг следует идентифицировать как одно из направлений краудсорсинга, то есть технологии интеллектуального сотрудничества в социальных сетях через Интернет, направляемое на совместное создание интеллектуального продукта на основе интеграции знаний большого количества людей. По мнению ученого, явление краудфандинга охватывается группой подходов, объединенных одной общей чертой: все они основаны на участии множества людей.

К появлению краудфандинга с использованием диджитализированных инструментов привело развитие информационных технологий и социальных сетей, в результате чего краудфандинг быстро занял выдающееся место на рынке финансирования проектов в сфере народного творчества и изобретательства.

Относительно однозначных преимуществ онлайн-сбора средств находим упоминания как в экономической, так и в юридической литературе. Так, В.В. Рысин делает отдельный акцент именно на понимании краудфандинга как инструмента онлайн-финансирования широкого круга проектов, который начал активно развиваться примерно 10 лет назад. Ученый отмечает, что за сравнительно короткий период в мире появились как мощные краудфандинговые платформы вроде Kickstarter и Indiegogo, так и сотни меньших по объемам деятельности платформ во многих странах мира. Одновременно указывается на относительную вовлеченность отечественного общества к модернизации отношений совместного инвестирования и активного привлечения цифровых инструментов для осуществления децентрализованного сбора средств. Так, первая платформа коллективного финансирования стартовала на территории нашего государства в 2012 г.

Как справедливо отмечает И.П. Васильчук, повышение уровня доверия между участниками краудфандингового проекта на современном этапе развития краудфандинговых отношений в Украине и мире подкрепляется технологическими возможностями использования интернет-технологий, что позволяют контролировать все этапы процесса сбора средств и реализации проекта.

Литература

1. Brabham D.C. Crowdfunding public goods: A strategy for niche product and service providers? // *Policy & Internet*. 2013. № 5 (3). P. 254 – 281.
2. Burtch G., Ghose A., Wattal S. An empirical examination of the antecedents and consequences of contribution patterns in crowd-funded markets // *Information Systems Research*. 2013. № 24 (3). P. 499 – 519.
3. Gerber E.M., Hui J.S., Kuo P.Y. Crowdfunding: Why people are motivated to post and fund projects on crowdfunding platforms. *Proceedings of the International Workshop on Design, Influence, and Social Technologies: Techniques, Impacts and Ethics*. 2012. P. 18 – 21.
4. Greenberg S. Crowdfunding and regulation: The changing face of investing // *Fordham Journal of Corporate & Financial Law*. 2013. № 18 (1). P. 77 – 119.
5. Hemer J., Liarokapis M. Crowdfunding: An overview and implications for mobile services // *International Journal of Mobile Human Computer Interaction (IJMHCI)*. 2013. № 5 (4). P. 33 – 45.
6. Kuppuswamy V., Bayus B.L. Crowdfunding creative ideas: The dynamics of project backers in Kickstarter // *Management Science*. 2017. № 63 (3). P. 801 – 820.
7. Langley D.J., Leyshon A. Platform capitalism: The intermediation and capitalization of digital economic circulation // *Finance and Society*. 2017. № 3 (1). P. 11 – 31.
8. Mollick E. The dynamics of crowdfunding: An exploratory study // *Journal of Business Venturing*. 2014. № 29 (1). P. 1 – 16.
9. Mollick E. The economics of crowdfunding platforms // *Innovation Policy and the Economy*. 2016. № 16 (1). P. 63 – 97.
10. Schwienbacher A., Larralde B. Crowdfunding of small entrepreneurial ventures // *Handbook of Entrepreneurial Finance*. 2010. P. 287 – 303.

References

1. Brabham D.C. Crowdfunding public goods: A strategy for niche product and service providers? *Policy & Internet*. 2013. № 5 (3). P. 254 – 281.
 2. Burtch G., Ghose A., Wattal S. An empirical examination of the antecedents and consequences of contribution patterns in crowd-funded markets. *Information Systems Research*. 2013. № 24 (3). P. 499 – 519.
 3. Gerber E.M., Hui J.S., Kuo P.Y. Crowdfunding: Why people are motivated to post and fund projects on crowdfunding platforms. *Proceedings of the International Workshop on Design, Influence, and Social Technologies: Techniques, Impacts and Ethics*. 2012. P. 18 – 21.
 4. Greenberg S. Crowdfunding and regulation: The changing face of investing. *Fordham Journal of Corporate & Financial Law*. 2013. № 18 (1). P. 77 – 119.
 5. Hemer J., Liarokapis M. Crowdfunding: An overview and implications for mobile services. *International Journal of Mobile Human Computer Interaction (IJMHCI)*. 2013. № 5 (4). P. 33 – 45.
 6. Kuppaswamy V., Bayus, B.L. Crowdfunding creative ideas: The dynamics of project backers in Kickstarter. *Management Science*. 2017. № 63 (3). P. 801 – 820.
 7. Langley D.J., Leyshon A. Platform capitalism: The intermediation and capitalization of digital economic circulation. *Finance and Society*. 2017. № 3 (1). P. 11 – 31.
 8. Mollick E. The dynamics of crowdfunding: An exploratory study. *Journal of Business Venturing*. 2014. № 29 (1). P. 1 – 16.
 9. Mollick E. The economics of crowdfunding platforms. *Innovation Policy and the Economy*. 2016. № 16 (1). P. 63 – 97.
 10. Schwienbacher A., Larralde B. Crowdfunding of small entrepreneurial ventures. *Handbook of Entrepreneurial Finance*. 2010. P. 287 – 303.
-

***Гармонизация законодательства России с требованиями
Европейского права в сфере краудфандинга***

Магомедов Г.Б., кандидат юридических наук, директор,
Рашидов Ш.М., кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора,
Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация: акцентируется внимание на необходимости гармонизации законодательства к требованиям европейского права. Так, по стратегической цели по созданию новых возможностей для реализации человеческого капитала, развития инновационных, креативных и цифровых индустрий и бизнеса предусмотрены меры по обеспечению имплементации Стратегии интеграции к Единому цифровому рынку ЕС и плана мероприятий по ее выполнению («дорожной карты») разработанной в соответствии с приложением XVII к Соглашению об ассоциации между Россией и ЕС и содействие развитию местного краудфандинга и по принципу «Равный равному» (peer-to-peer) в рамках программы EU4Digital путем гармонизации правовой базы России с законодательством ЕС и поддержания интеграции в европейские платформы и сети. Следует отметить, что мнение о необходимости урегулирования сферы краудфандинговых отношений именно в контексте частно-правового регулирования не является новым. В тексте Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в России на период до 2020 года делался акцент на необходимости «пересмотра вопроса регулирования сферы договорного права в части обеспечения прозрачности и защиты прав кредиторов в системах краудфандинга». Однако, дальше стратегического планирования и обещаний разработки проектов законов дело не сдвинулось.

Ключевые слова: правовое регулирование, предпринимательство, кредиторы, сферы, мероприятия

***Harmonization of Russian legislation with the requirements
of European law in the field of crowdfunding***

Magomedov G.B., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Director,
Rashidov Sh.M., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Deputy Director,
North Caucasus Institute, a branch of the All-Russian State
University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

Abstract: attention is focused on the need to harmonize legislation to the requirements of European law. Thus, according to the strategic goal of creating new opportunities for the realization of human capital, the development of innovative, creative and "digital" industries and businesses are provided with measures to ensure the

implementation of the Integration Strategy to the EU Single Digital Market and the action plan for its implementation ("roadmap") developed in accordance with Annex XVII to the Association Agreement between Russia and the EU and the promotion of local crowdfunding and on the principle of "Peer to Peer" (peer-to-peer) within the EU4Digital program by harmonizing the legal framework of Russia with EU legislation and supporting integration into European platforms and networks. It should be noted that the opinion on the need to regulate the sphere of crowdfunding relations in the context of private law regulation is not new. The text of the Strategy for the Development of Small and Medium-sized Enterprises in Russia for the period up to 2020 emphasized the need to "review the issue of regulation of the sphere of contract law in terms of ensuring transparency and protecting creditors' rights in crowdfunding systems." However, the matter did not move beyond strategic planning and promises of drafting laws.

Keywords: *legal regulation, entrepreneurship, creditors, spheres, events*

На сегодняшний день выделяют две модели государственного регулирования краудфандинговых отношений: модель регуляторной песочницы (в случаях, когда без эксперимента невозможно определить, работает решение или нет) и модель лицензирования, с помощью которой создаются дополнительные барьеры для вхождения новых участников на рынок. Следует отметить, что специфика исследуемых отношений предполагает наличие общесвободного правового режима регулирования данных отношений, характерного для отраслей частного права [3]. В зависимости от субъектного состава таких правоотношений можно говорить о гражданско-правовых или хозяйственно - правовых договорных основах регулирования соответствующих отношений в соответствии с действующим законодательством. Однако отсутствие нормативной регламентации данных правоотношений и соответствующей судебной практики не позволяет говорить о механизмах защиты прав субъектов краудфандинга (например, в случаях приобретения токенов инвестиционного проекта, как удостоверение корпоративных прав).

Кроме того, отечественное налоговое законодательство накладывает дополнительные обязательства на краудфандинговые площадки, инвесторов и инициаторов проектов. При реализации модели краудфандинга без вознаграждения (с нефинансовым вознаграждением) с юридической точки зрения происходит бесплатная передача средств или других ресурсов, которая, в зависимости от правового статуса инвестора и автора проекта, может оформляться различными юридическими конструкциями.

Как уже приходилось ранее, отношения совместного инвестирования и спонсирования выходят за пределы отношений в сфере благотворительности, размещения ценных бумаг или прямого инвестирования. Частноправовой характер данных отношений обуславливает возникновение рисков нарушения прав сторон краудфандинговых отношений и публичных интересов в случаях отсутствия надлежащего правового регулирования [7]. По результатам исследования можно констатировать, что действующее законодательство не предусматривает четких, прозрачных и эффективных механизмов защиты прав доноров в отношениях краудфандинга из-за недостаточной урегулированности самих отношений

коллективного финансирования, отсутствия единства в практике правоприменения в определении природы таких отношений, неопределенности статуса краудфандинговых платформ.

Дополнительной преградой решения данных вопросов на законодательном уровне является транснациональный характер таких отношений (самые популярные краудфандинговые платформы находятся за пределами отечественной юрисдикции; большое количество проектов, привлекающих средства являются международными и не имеют четкой идентификации их правового статуса в открытом доступе) и электронная форма выражения воли в таких отношениях (для краудфандинга все шире применяются криптовалютные активы или платформы, которые не предоставляют информацию о человеке и финансовой информации получателя средств).

Кроме законодательных проблем следует обратить и на пробелы доктринального осмысления отношений совместного инвестирования и спонсирования. Так, В.Н. Петрина констатирует наличие также проблемы определения объектов инвестиционных правоотношений. Согласно положениям общетеоретической юриспруденции объектами правоотношений признаются определенные материальные, духовные и другие социальные блага по поводу которых между субъектами возникают, изменяются или прекращаются правоотношения [10]. В свою очередь, объекты гражданско-правовых отношений – материальные и нематериальные блага, по поводу которых между субъектами возникают гражданские правоотношения. Неопределенность с субъектами и объектами инвестиционной деятельности влечет за собой проблему и с определением содержания инвестиционной деятельности.

В.Н. Петрина выдвигает мнение, что все вышеупомянутые проблемы были бы решены, если бы в российском праве понятию «инвестиция» придали такое же значение, какое оно имеет в экономически развитых странах. "Так например, в США инвестиция (анг.investment) определяется, как " приобретение корпоративных прав, облигаций, долей в совместных фондах, недвижимого имущества, имущественных прав и т.д. С целью получения в будущем дохода или прироста капитала. То есть инвестиция в США, в отличие от России, определяется не как определенная ценность (объект правоотношений), а как юридическое действие, то есть акт приобретения определенной ценности с определенной целью (то есть основание возникновения правоотношений). Если бы право России именно так трактовало понятие "инвестиция", то все стало бы на свои места: субъектами инвестиционных правоотношений стали бы, с одной стороны, лицо, приобретающее определенные ценности, то есть инвестор, и, с другой стороны, лицо, передающее инвестору данные ценности; объектом инвестиционных правоотношений считались бы ценности, приобретаемые инвестором; содержание инвестиционных правоотношений заключалось бы в правах и обязанностях инвестора по оплате соответствующих ценностей и прав и обязанностей контрагента инвестора по передаче инвестору таких ценностей и/или уплате инвестору соответствующих доходов [8]. В таком случае можно было бы также четко разграничивать определенные разовые инвестиции, которые могут осуществлять граждане и государства как субъекты гражданско-правовых правоотношений и которые бы не относились к хозяйственной деятельности, и самостоятельную, инициативную, систематическую, на собственный риск инвестиционную деятельность с целью достижения экономических

и социальных результатов и получения прибыли, осуществляемой субъектами хозяйствования и является разновидностью хозяйственной деятельности».

Данная позиция выглядит спорной, особенно в контексте определения объекта совместного инвестирования и спонсирования, ведь такая деятельность инвесторов нередко нет привязки к предпринимательству, а следовательно, не может рассматриваться как вид хозяйственной деятельности в соответствии с действующим законодательством.

Итак, на сегодняшний день проблема эффективного и релевантного правового регулирования альтернативных отношений в сфере децентрализованного финансирования инновационных проектов (прежде всего, с использованием цифровых инструментов) продолжает оставаться открытым вопросом для науки гражданского права. Рынки совместного инвестирования и

краудфандинговые платформы продолжают перерождаться, появляются родственные инструменты (такие, как криптовалютные инвестиционные проекты), поэтому нельзя говорить о стабилизации общественных отношений в сфере совместного инвестирования и спонсирования.

В общем, отсутствие четкого урегулирования отношений совместного инвестирования в России рассматривается исследователями с двух сторон. Так положительным моментом признается отсутствие требований относительно формы деятельности, в которой автор проекта должен осуществлять свою деятельность отсутствие максимальной суммы, которую инвесторы могут вносить, а авторы собирать и особых налоговых режимов, но, с другой стороны, " наличие четкого закона, который урегулировал бы деятельность краудфандинга дало бы толчок для бизнеса и позволило бы собирать средства для бизнес-проектов по упрощенной процедуре».

Однако, нет необходимости проводить кардинальную перестройку инвестиционного и корпоративного законодательства с целью урегулирования отношений совместного инвестирования и спонсирования. Исследователь считает, что при формировании нормативно-правовой базы достаточно учесть возможное многообразие форм краудфандинга для того, чтобы развитие отрасли не было ограниченным отдельными формами финансирования [5]. В качестве аргумента в поддержку данного тезиса можно отметить, что с аналогичной проблемой сейчас столкнулись немецкие краудфандинговые платформы, которые не имеют возможности использовать полноценно все варианты привлечения средств путем совместного инвестирования и спонсирования.

А.С. Уголькова в рамках своего исследования предложила принципиальные основы совершенствования государственного регулирования отношений совместного инвестирования и спонсирования, которые, в отличие от существующих «конкретизируют функции и инструменты, с помощью которых осуществляется влияние органов государственного управления на краудфандинговую деятельность». По мнению ученых, основы государственного регулирования краудфандинговых отношений должны зависеть от вида краудфандинговых отношений: «краудфандинг на основе донорства (или без вознаграждения) и на основе материального вознаграждения являются нефинансовыми моделями финансирования и как правило, выходят за рамки управления финансовых регуляторов [1]. Краудфандинговые модели, предполагающие заемные отношения (краудлендинг) и выплату акций (краудинвестинг), обычно регулируются

финансовыми органами в большинстве стран». Предложенный автором методологический подход к государственному регулированию выглядит вполне дельным, и, по ее мнению, позволит государственным служащим разрабатывать практические рекомендации, направленные на развитие отношений совместного инвестирования и спонсирования в России.

А. И. Иващенко приводит следующие первоочередные меры, которые необходимо воплотить в жизнь со стороны государства с целью обеспечения устойчивого развития краудфандинга как действенного финансового инструмента привлечения средств малого и среднего бизнеса:

- принятие закона "О краудфандинге" , или внесение изменений в существующий Закон России " о финансовых услугах»;
- закрепление механизма налогообложения доходов, полученных от краудфандинга для коммерческих проектов;
- обеспечение доступности процедуры получения авторского права для владельцев идей;
- введение административной ответственности в виде санкций и штрафов за представление авторами проекта недостоверной информации, несвоевременное выполнение или невыполнение условий проекта и мошенничества со средствами спонсоров;
- законодательное закрепление прав участия спонсоров в соответствующих проектах.

Еще одним перспективным направлением развития правового регулирования краудфандинговых отношений является совместное финансирование процесса формирования весомых для юридической практики прецедентов в рамках судебного процесса. На протяжении последних лет появляется все больше возможностей найти поддержку в судебном процессе, в том числе и финансовую. Среди способов привлечения средств для финансирования судебного процесса обычно называют средства частных спонсоров, зарубежные гранты или заимствования, но на сегодняшний день все большую популярность набирает такой вид совместного финансирования расходов на судебный процесс как юридический или судебный краудфандинг.

Как отмечают исследователи нового для юридической сферы явления, современные тенденции «юридического краудфандинга " предусматривают сбор средств на качественную юридическую помощь. Данный вид деятельности имеет значительную популярность в странах Европы и США. Так, выпускники юридических специальностей в США нередко пользуются привлеченными средствами, чтобы избежать дорогостоящих кредитов в начале карьеры, а опытные адвокаты прибегают к коллективному финансированию судебных дел, которые истец не в состоянии финансово покрыть самостоятельно. В большинстве случаев предмет или тема спора волнует не только участника процесса, но и специалиста в области права [4].

Иногда целые краудфандинговые площадки появляются и развиваются из-за громких скандалов в юридической плоскости. Сначала CrowdJustice была основана в Великобритании в 2014 году, а в 2017 году расширилась до Соединенных Штатов и перенесла свою штаб-квартиру из Лондона в Нью-Йорк. CorowdJustice появился в США после начала действия иммиграционного закона президента Дональда Трампа. В соответствии с положениями нового закона двум братьям из Йемена, которые имели визу США,

миграционная служба отказала во въезде на территорию страны и было необходимо собрать 15 тысяч долларов для рассмотрения их дела в судебном порядке. На сегодняшний день CrowdJustice – это краудфандинговая платформа, где отдельные лица, сообщества или организации могут собирать деньги специально для финансирования судебных дел. Эта платформа использует команду экспертов для оценки каждой кампании, чтобы убедиться, что для этой кампании задействован квалифицированный юрист и все средства поступают на доверительный счет клиента юриста.

Кстати, ряд громких судебных процессов в Шотландии также финансировался именно за счет средств от краудфандинга.

Аналог краудфандингового способа финансирования расходов на судебный процесс является непосредственное финансирование одним или несколькими спонсорами. Данная форма участия сторонних спонсоров больше похожа на инвестицию, ведь тот, кто финансирует расходы в рамках судебного спора, ожидает прибыль, в то время как краудфандинг работает по принципу «многочисленных взносов людей не равнодушных к проблеме, которую намерены решить в суде, а потому они добровольно делают финансовые пожертвования на качественное юридическое сопровождение такого дела».

Наряду с решением проблемы покрытия судебных издержек истцы и ответчики могут искать возможности финансирования любых расходов в случаях, если судебный процесс завершился не в их пользу [6].

Специалисты отмечают, что за счет проведения краудфандинга для судебных процессов обычно финансируются дела, касающиеся общественных интересов. Однако, это не означает, что краудфандинг не может использоваться для каких-либо других форм судебного разбирательства. Так в интернете также можно найти инициативы совместного финансирования пересмотра уголовных приговоров осужденных пожизненно. Однако, сложнее вызвать интерес к частному спору, чем, например, громкому делу о правах человека, но если спор в перспективе может затрагивать интересы более широкого общества, вполне вероятно, что найдутся люди, которые готовы оказать финансовую поддержку.

Таким образом, использование совместного инвестирования и спонсирования дает возможность защититься от финансовых рисков в рамках судебного процесса, обратившись к общественности.

Отношения в сфере совместного инвестирования и спонсирования не всегда связаны с заключением инвестиционных договоров, а использование краудфандинговых платформ (в том числе международных) нивелируют возможность корректного установления первичной цели сбора средств, однако это не означает отсутствие у краудфандера обязательства по целевому использованию привлеченных средств.

Краудфандинговые отношения выходят за пределы отношений в сфере благотворительности, размещения ценных бумаг или прямого инвестирования. Частноправовый характер данных отношений обуславливает возникновение рисков нарушения прав сторон краудфандинговых отношений и публичных интересов в случаях отсутствия надлежащего правового регулирования. По результатам исследования можно констатировать, что действующее законодательство не предусматривает четких, прозрачных и эффективных механизмов защиты прав доноров в отношении краудфандинга из-за недостаточной урегулированности самих отношений коллективного финансирования, отсутствия единства в практике

правоприменения в определении природы таких отношений, неопределенности статуса краудфандинговых платформ. Дополнительной преградой решения данных вопросов на законодательном уровне является транснациональный характер таких отношений (самые популярные краудфандинговые платформы находятся за пределами отечественной юрисдикции; большое количество проектов, привлекающих средства являются международными и не имеют четкой идентификации их правового статуса в открытом доступе) и электронная форма выражения воли в таких отношениях (для краудфандинга все шире применяются криптовалютные активы или платформы, которые не предоставляют информацию о человеке и финансовой информации получателя средств).

Вопросы краудфандинга с использованием современных цифровых инструментов в условиях войны остаются актуальными для научной разработки и дальнейшего совершенствования нормативного базиса в сфере регулирования соответствующих отношений с целью конкретизации общих норм и учета особых случаев [9].

За сравнительно небольшой срок развития отношений совместного инвестирования и спонсирования сложился ряд видов данных правоотношений, которые могут быть классифицированы для установления целесообразности их регулирования юридическими средствами. Различение отдельных видов краудфандинговых правоотношений и выделение их специфических черт имеет целью отражение актуальной картины развития отдельных правоотношений и определение необходимости и потенциала защиты прав и законных интересов участников таких правоотношений.

Доказано отсутствие единства критериев и подходов к классификации отношений совместного инвестирования и спонсорства. Наиболее распространенным в юридической и экономической науке является разделение краудфандинга на финансовый (коммерческий, возмездный и др.) и нефинансовый (социальный, общественный и др.).

Отношения в сфере совместного инвестирования и спонсирования являются неоднородными. Правовой статус их участников, цель сбора средств и ее форма определяют специфику таких отношений. В зависимости от заявленных критериев отношения совместного инвестирования и спонсирования по содержанию приобретают общие черты с благотворительностью, кредитными отношениями, отношениям публичного обещания вознаграждения, эмиссией и размещением ценных бумаг и другими видами частно-правовых отношений. Однако, анализ законодательства зарубежных стран в сфере краудфандинга и доктринальных выводов относительно юридической природы таких отношений позволяет говорить об отличии краудфандинговых отношений от указанных выше отношений, что и определяет специфику их правового регулирования.

В соответствии с типом обязательств, возлагаемых на краудфандера следует разравнивать возмездный и безвозмездный краудфандинг. Безвозмездный краудфандинг включает не только отношения по финансированию проектов благотворительной направленности (пожертвования), но и отношения в сфере финансирования творчества путем донатов – добровольных единоразовых или периодических взносов на развитие и продвижение авторского контента. Ключевое отличие таких отношений от благотворительности

– возможность получения нематериальной (а иногда символической материальной) выгоды за свое участие в спонсировании творчества.

Вопрос о понятии и видах субъектов совместного инвестирования и спонсирования как в экономической, так и в юридической литературе является дискуссионным. Дискуссионный характер данного вопроса обусловлена отсутствием единой юридической концепции понимания инвестиционной деятельности, а также использованием законодателем для обозначения лиц, инвестирующих свои средства в те или иные виды деятельности, различной терминологии. Итак, понятие и круг субъектов правоотношений совместного инвестирования и спонсорство будет зависеть в первую очередь от содержания, вложенного в понятие «совместное инвестирование и спонсорство», а также «инвестиционная деятельность».

Что же касается специфики правового статуса краудфандеров и креаторов в отношении совместного инвестирования и спонсирования с использованием цифровых инструментов в интернете, то здесь необходимо отметить, что данные отношения являются осложненными наличием посредника в привлечении средств и выполнении обязательств, связанных с реализацией проектов, на которые привлекаются средства. Таким образом можно отдельно рассматривать правовой статус краудфандеров и креаторов в отношении с цифровыми платформами, с помощью которых привлекаются средства, а также непосредственно отношения с инвесторами и спонсорами [2].

Кроме того, краудфандеры и другие субъекты совместного инвестирования могут возложить на себя дополнительные обязанности в договорном порядке или отдельные обязанности могут появляться у краудфандеров на основании недоговорных обязательств (публичное обещание вознаграждения, объявление конкурса, деликтные правоотношения и т.д.). Отдельные дополнительные обязанности могут возлагаться на краудфандеров и других участников инвестиционной деятельности на этапе выполнения такими участниками отдельных видов работ, которые предусматривают процедуры лицензирования, сертификации или имеют разрешительный характер.

Основные права инвесторов в отношении совместного инвестирования являются общими с правами любого участника гражданского оборота, а следовательно, им предусмотрена и определенная степень защиты их гражданских прав. Несмотря на наличие доктринальных подходов по отнесению краудфандинговых отношения к договорным гражданским правоотношениям, которые имеют общие черты с теми, которые возникают на основе договоров дарения, простого товарищества, купли-продажи с предварительной оплатой, кредитных и других гражданско-правовых содержание данных отношений отличается от того, что характерно для вышеупомянутых правоотношений.

В случае использования благотворительных краудфандинговых пожертвований не по назначению законодательством предусмотрено наступление гражданско-правовой ответственности.

Литература

1. Aviat A., Coeurdacier N. The geography of trade in goods and asset holdings // *J. Int. Econ.* 2007. № 71. P. 22 – 51.
2. Bremus F., Buch C. Capital markets union and cross-border risk sharing. In: Allen, F., Faia, E., Haliassos, M., Langenbacher, K. (Eds.), *Capital Markets Union and Beyond*. MIT Press, 2019. P. 392.
3. Driscoll J.C., Kraay A.C. Consistent covariance matrix estimation with spatially dependent panel data // *Rev. Econ. Stat.* 1998. № 80 (4). P. 549 – 560.
4. Eichler S. Equity home bias and corporate disclosure // *J. Int. Money Financ.* 2012. № 31 (5). P. 1008 – 1032.
5. Fidrmuc J. Gravity models in integrated panels // *Empiric. Econ.* 2009. № 37 (2). P. 435 – 446.
6. Galstyan V., Lane P.R., Mehigan C., Mercado R. The holders and issuers of international portfolio securities // *J. Jpn. Int. Econ.* 2016. № 42. P. 100 – 108.
7. Giofre M. International diversification: households versus institutional investors // *North Am. J. Econ. Financ.* 2013. № 26. P. 145 – 176.
8. Pesaran M.H., General diagnostic tests for cross section dependence in panels. *Cambridge Working Papers in Economics* 2004. P. 0435.
9. Vlachos J. Do regulatory similarities increase international portfolio holdings? IUI Working Paper. 2004.612.
10. Zwinkels R., Beugelsdijk S. Gravity equations: Workhorse or trojan horse in explaining trade and FDI patterns across time and space? // *Int. Bus. Rev.* 2010. № 19. P. 102 – 155.

References

1. Aviat A., Coeurdacier N. The geography of trade in goods and asset holdings. *J. Int. Econ.* 2007. № 71. P. 22 – 51.
2. Bremus F., Buch C. Capital markets union and cross-border risk sharing. In: Allen, F., Faia, E., Haliassos, M., Langenbacher, K. (Eds.), *Capital Markets Union and Beyond*. MIT Press, 2019. P. 392.
3. Driscoll J.C., Kraay A.C. Consistent covariance matrix estimation with spatially dependent panel data. *Rev. Econ. Stat.* 1998. № 80 (4). P. 549 – 560.
4. Eichler S. Equity home bias and corporate disclosure. *J. Int. Money Financ.* 2012. № 31 (5). P. 1008 – 1032.
5. Fidrmuc J. Gravity models in integrated panels. *Empiric. Econ.* 2009. № 37 (2). P. 435 – 446.
6. Galstyan V., Lane P.R., Mehigan C., Mercado R. The holders and issuers of international portfolio securities. *J. Jpn. Int. Econ.* 2016. № 42. P. 100 – 108.
7. Giofre M. International diversification: households versus institutional investors. *North Am. J. Econ. Financ.* 2013. № 26. P. 145 – 176.
8. Pesaran M.H., General diagnostic tests for cross section dependence in panels. *Cambridge Working Papers in Economics* 2004. P. 0435.
9. Vlachos J. Do regulatory similarities increase international portfolio holdings? IUI Working Paper. 2004.612.
10. Zwinkels R., Beugelsdijk S. Gravity equations: Workhorse or trojan horse in explaining trade and FDI patterns across time and space? *Int. Bus. Rev.* 2010. № 19. P. 102 – 155.